

Далее автор утверждает, что держава Маурьев торговала с Египтом, тогда как в других частях тома указывается, что прямой морской связи между обеими странами не было вплоть до конца II в. до н. э. (том II, стр. 238, 329—330, 335).

В других случаях несоответствие между главами по истории Индии и другими частями I и II томов носит, очевидно, случайный характер. На стр. 220 II тома идет речь о столкновении Александра Македонского с правителем Таксилы, а на 544 стр. — с царем по имени Таксил (город Таксила упомянут позже, на стр. 548).

Царство, основанное Чандрагуптой, называется то Магадхой (т. II, стр. 247), то империей Маурьев (гл. XVII).

О путешествиях в Индию Скилака из Карианды и, позднее, легендарного Аполлония из Тианы говорится только в разделах, посвященных античному миру (т. I, стр. 683 и т. II, стр. 745).

Конечно, многочисленность авторского коллектива «Всемирной истории» создает большие трудности, и полной унификации в отношении точек зрения и даже терминологии требовать нельзя, но все же желательно, чтобы противоречий в содержании и стиле, столь смущающих неподготовленного читателя, было меньше.

Следует еще отметить некоторые мелкие неточности. На стр. 548 (II том) говорится о торговле спиртными напитками. Однако надо помнить, что спирт в нашем смысле слова (как продукт перегонки) стал производиться лишь арабами в VIII в. н. э.¹ Вопреки утверждению на стр. 422 (т. I), название Индия употреблялось в древности не только в Европе, но и у азиатских народов (у китайцев в форме Шеньду, ср. том II, стр. 505) и у древних евреев (кн. Эсфирь, I, 1).

Несмотря на все эти мелкие недочеты, рецензируемые главы «Всемирной истории» принесут читателям, интересующимся древней Индией, большую пользу, поскольку они дают строго систематическое изложение фактов и проливают свет на многие темные и запутанные вопросы.

Стиль разбираемых глав отличается ясностью и сжатостью, а местами значительной живостью. Только иногда слишком часто и монотонно оговаривается недостоверность наших источников. Так, в одном только параграфе («Образование империи Маурьев») три раза встречается слово «вероятно», один раз — «возможно» и один раз — «неизвестно почти ничего».

Иллюстрации и карты выполнены очень хорошо. Только на одной из карт (Древняя Индия в VI в. до н. э. — т. I, стр. 600) следовало бы добавить первоначальные названия о. Цейлона (Ланки) и р. Инда (Синдху).

Л. С. Васильев, Д. Г. Редер

ОБЗОР НОВЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ГРЕЧЕСКИМ НАДПИСЯМ МИКЕНСКОЙ ЭПОХИ *

Изучение греческих надписей микенской эпохи вступает в настоящее время в новую стадию. По мнению огромного большинства исследователей, правильность дешифровки Вентриса в целом не подлежит сомнению; в частности же, как указал уже сам Вентрис, она нуждается в уточнении и улучшении. В этом сходятся виднейшие лингвисты мира:

¹ М. С. А л ь т м а н, Техника виноделия в древней Греции, ИГАИМК, вып. 108, М.—Л., 1935, стр. 135—136.

* В обзоре не рассматриваются доклады на конференции по микенским надписям, опубликованные в «Colloque international sur les textes mycéniens», так как эта книга вышла уже в конце 1955 г. Я рассматриваю только те из сообщений на этой конференции, которые были недавно опубликованы в «Études Mycéniennes».

Лежен¹ и Шантрен² во Франции, акад. В. Георгиев в Болгарии, Фридрих³ в Германии, Манн⁴ и Палмер⁵ в Англии, Риш⁶ в Швейцарии, Маринатос⁷ в Греции и многие другие. Крайне несовершенная передача звуков языка в микенском письме, многозначность комбинаций знаков, обозначающих слова (некоторым из этих комбинаций может быть придано много десятков различных значений), непонятность почти половины дошедших до нас надписей — все это на многих ученых производило такое впечатление, будто самый принцип дешифровки неправилен, и побуждало их относиться с недоверием к открытию Вентриса. Автор этого обзора при первом знакомстве со статьей Вентриса и Чадвика пришел к выводу, что авторы еще очень далеки от нахождения истинного значения силлабических знаков, и в своей статье в ВДИ (1954, № 3, стр. 110 сл.) поставил эту дешифровку в один ряд с другими неудавшимися попытками расшифровать микенское письмо. Только после того, как я занялся кропотливым трудом разбора всего эпиграфического материала, я убедился, что в целом ряде случаев получается убедительный греческий контекст. В то время мне не было известно никакой литературы вопроса, кроме статьи Вентриса и Чадвика; когда я затем ознакомился с этой литературой, я увидел, что в большинстве случаев мое чтение и интерпретация совпали с чтением и интерпретацией других исследователей. Я понял, что это не может быть случайностью и что дешифровка Вентриса не фантастический домысел, а гениальное научное открытие. Тот же путь сомнений, как оказалось, прошли и другие исследователи вопроса, например, Маринатос и Фридрих (см. «*Minos*», IV, 1 (1956), стр. 6 сл.; 11 сл.).

В чем же основная причина этого неблагоприятного впечатления при первом знакомстве с открытием Вентриса — причина, которая привела к тому, что некоторые серьезные исследователи, по-видимому, не давшие себе труда тщательно проработать весь материал, до сих пор отрицают выводы Вентриса (см. ниже)?

Кроме указанных выше причин, это «орфографические правила Вентриса», превращающие греческий текст в ряд загадок и двусмыслиц. Однако критики Вентриса не учитывают того, что большая часть этих правил не выдумана Вентрисом, а характерна для позднейшего кипрского силлабария, несомненно, представляющего собой дальнейшее развитие микенского. Но если кипрские греки V—IV вв. до н. э. довольствовались письмом, в котором не отличались друг от друга долгие и короткие гласные, звонкие, глухие и придыхательные согласные, в котором звук *л* в середине слова в конце слога не пишется, а между двумя согласными вставляется «слепой» гласный (анаптика), то почему нельзя допустить, что за 1000 лет до этого, на более примитивном уровне культуры, греки могли довольствоваться подобным же несовершенным письмом?

Другое дело — особенности письма, не засвидетельствованные в орфографии позднейшего Кипра. Так, Битти в своей рецензии на статью Вентриса (JHS, 76 (1956), стр. 5) справедливо считает основным недостатком правил Вентриса не с и м м е т р и ч н о с т ь, которая совершенно чужда кипрскому диалекту.

«Сама природа, — говорит он, — предписывает известную степень симметрии для всех языков, равно как и для всех систем письма, служащих для передачи слов этого языка». Между тем, продолжает Битти, в системе письма, постулированной Вентрисом, задненебные (*b, p, ph*) пишутся одними и теми же знаками, независимо от артикуляции голосовых связок и придыхания; так же обстоит в системе Вентриса и с губными звуками, тогда как зубной звонкий смычный *d*, в отличие от кипрского силлабария, обо-

¹ См., например, «*Annales de la Faculté des Lettres de Bordeaux*», 58 (1956), стр. 3 слл.

² См., «*Minos*», IV, 1 (1956), стр. 50 слл.

³ Там же, стр. 6 сл.

⁴ «*Map*», февраль 1956, LVI, 33—34, № 26, стр. 24 и сл.

⁵ «*Gnomon*», 1954, № 2, стр. 65—67.

⁶ «*Museum Helveticum*», XII, 3 (1955), стр. 61—76.

⁷ «*Minos*», IV, 1 (1956), стр. 11.

значается иначе, чем соответственный зубной глухой и придыхательный *t*, а глухой зубной спирант *z* — иначе, чем звонкий зубной спирант *z*».

Однако Вентрис мог легко обойтись без этих неудачных отступлений от правил кипрского силлабария; эти ошибки нисколько не дискредитируют его системы в целом. То, что позднейшим слогам *δα*, *δε*, *δι* и т. д. в микенском силлабарии соответствуют знаки, отличные от знаков для *τα*, *τε*, *τι*, объясняется не непонятым орфографическим произволом микенских писцов, а тем, что позднейшему *δ* в это время соответствовал звук, близкий к позднейшему *ζ* (такое произношение и в классическое время сохранилось в некоторых районах бывшего царства Нестора); точно так же знаки, которые Вентрис читал, как *ζα*, *ζε*, *ζο*, в действительности не были озвонченным «с» (русское «з»), а сочетанием с гласным своеобразных задненебных палатализованных звуков. Равным образом, если Вентрис, в нарушение симметрии, вводит знаки для слогов *αι*, *ρε* и даже *πεκο*, то в этом, как я показываю, нет никакой надобности: эти знаки дают хорошие и понятные чтения *ä*, *p'e*, *ve*.

Однако и за вычетом этих особенностей, в микенском письме остается ряд черт, делающих распознавание слов греческого языка крайне трудным, часто превращающих чтение в разгадывание загадок, черт, не дающих возможности отличить падежи, числа, лица и т. д. друг от друга. Таково, например, ненаписание *ι*, *υ*, *ρ*, *λ*, *ν*, *σ* между гласным и согласным не только в середине, но и в конце слов, отсутствие различия в письме между *ρ* и *λ*, вставка *j* или *v* для избежания зияния. Трудно представить себе, чтобы греки могли довольствоваться таким примитивным способом написания слов, совершенно не соответствующим их известному нам произношению: «Понятно, что силлабарий не был приспособлен для писания слов греческого языка. Почти каждое слово, написанное таким алфавитом, можно прочесть двумя или тремя способами. Каждый читатель, не знакомый заранее с тем, о чем пишется в документе, поймет лишь с трудом или вовсе не поймет того, что написано»¹.

Против взгляда, по которому указанные черты микенского письма были чисто орфографическими условностями, греческие ученые Платон и Ктистопулос выставили справедливые возражения. Как правильно замечает Платон², если считать указанные явления орфографической условностью, то окажется, что мы имеем дело с системой письма, наиболее несовершенной из всех когда-либо существовавших: письмо в этом случае представляло бы собой серию загадок, которые с трудом могли бы расшифровать сами пишущие. Как замечает Ктистопулос³, «если даже допустить, что письмо с такими затрудняющими чтение орфографическими условностями было однажды применено к греческому языку, непонятно, почему оно удержалось без всяких изменений в течение 200 лет. В течение этого долгого времени сменился ряд поколений опытных писцов, разработавших точную и чрезвычайно тщательную систему записи. Почему не было внесено улучшений в эти правила, несмотря на то, что и те, кто писали, и те, кто читали микенские таблички, должны были многократно, в течение поколений, убеждаться в непригодности этого письма для правильной передачи и понимания слов?»

Все эти возражения отпадут при сделанном мною (ВДИ, 1955, № 3, стр. 12) допущении, что особенности микенского письма были не орфографическими и условностями, а особенностями языка и что написание было достаточно близким к произношению того времени. В пользу такого взгляда говорит и тот факт, что все эти особенности, как я показал, сохранились в виде рудиментов в позднейших греческих диалектах. Если все эти черты были особенностями языка людей, писавших эти надписи, то нет ничего удивительного в том, что они отражались в письме: последнее было заимствовано у негреческого населения, и никакой исторической орфографической традиции здесь существовать не могло.

¹ Sp. Marinatos, «Minos», IV, 1 (1956), стр. 15.

² Ν. Πλάτων, «Ἑλληνικά χρονικά», 1 (1954), стр. 154—155.

³ Κ. Δ. Κτιστόπουλος, «Πλάτων», 7 (1955), стр. 217—218.

Итак, я прихожу к выводу, что λ , ρ , ν , σ в это время действительно в конце слога и в конце слова произносились очень слабо; между λ и ρ не было заметной разницы в произношении; j и v то произносились, то не произносились; с другой стороны, для избежания зияния между гласными вставлялись звуки j и v — следы всех этих явлений еще наблюдались в ахейских диалектах классического времени.

Такой же взгляд высказал и обосновал на международной конференции по микенским надписям в апреле 1956 г. акад. В. Георгиев¹: «Если ς произносилось, то всегда писалось... (Писалось оно) и между гласной и согласной (вопреки седьмому орфографическому правилу Вентриса — С. Л.): dosomo = $\delta\omicron\sigma\mu\acute{o}\varsigma$, dosimijo = $\delta\acute{o}\sigma\mu\iota\omicron\varsigma$, desomo = $\delta\epsilon\sigma\mu\acute{o}\varsigma$... aikasama = $\alpha\iota\zeta\iota\mu\acute{\alpha}$. Но в то же время регулярно писали remo = $(\tilde{\sigma})\pi\acute{\epsilon}(\rho)\mu\omicron$, rema = $(\sigma)\pi\acute{\epsilon}(\rho)\mu\alpha$, tatomo = $(\sigma)\tau\alpha\theta\mu\omicron(\varsigma)$, taranu = $\theta\rho\tilde{\alpha}\nu\mu(\varsigma)$. Это означает, что в разбираемых двух случаях произношение ς было различным: свистящий s ослаблялся в h или исчезал в конце слова и перед некоторыми согласными (remo, tatomo), в других случаях он сохранялся. Показателен тот факт, что dosomo встречается 61 раз на 16 различных табличках, причем первый s в слове $\delta\omicron\sigma\mu\acute{o}\varsigma$ всегда сохраняется, а второй никогда не обозначается; если бы причиной были произвольные „правила орфографии“, в силу которых два свистящих в конце слогов слова $\delta\omicron\sigma\mu\acute{o}\varsigma$ должны были бы трактоваться по-разному, следовало бы ожидать, что будут наблюдаться хотя бы отдельные колебания в начертании. Следовательно, необходимо полагать, что ς , когда оно произносилось, всегда писалось, а когда не произносилось, не писалось».

Далее, акад. В. Георгиев приводит, подобно мне, ряд примеров, когда в языке классического времени ν , σ и λ в конце слога и слова не писались, когда и в языке этого времени наблюдалась вставка «слепой» гласной и т. д. Он приводит (стр. 176) интересную параллель из истории латинского языка, где так же, как в греческом, в древнейшую эпоху s в конце слова не писалось, в «классическую» эпоху стало писаться, а в романских языках (как в новогреческом) снова исчезло. Как и я в моей книге, он указывает (стр. 181) на то, что не только l , но и ll как второй звук дифтонга произносилось слабо, а потому могло и не писаться.

Подобные же взгляды были в последнее время высказаны и другими исследователями.

По мнению Мерлингена², если бы микенские греки произносили r и l различно, современники не могли бы понять микенских текстов. Он думает, что и l и r произносились как l ; тогда понятно чередование $l(r):j$; различие же между l и r было введено в кипрском силлабарии, так как в этом появилась потребность. К такому же выводу относительно l и r приходит и Палмер (BICS, II (1955), стр. 36—37).

Но как объяснить при таком допущении, что греческий язык в XIV—XII вв. находился в такой стадии разложения, что возник целый ряд омонимов и омонимных форм спряжения и склонения? Мы могли бы указать на пример английского или французского языка: если бы, например, нынешние французы не пользовались исторической орфографией (которой, как мы уже сказали выше, не могло быть у микенских греков), а писали бы фонетически, то sa означало бы и «без», и «кровь», и «чувство», и «я чувствую, ты чувствуешь, он чувствует»; se — и «грудь», и «святий», и «подпись», и «здоровый» и т. д.; не было бы разницы между личными окончаниями ($je\ parl(e)$, $tu\ parl(es)$, $il\ parl(e)$, $ils\ parl(ent)$ и т. д.). Если такое изобилие синонимов возможно во французском языке, то почему мы должны считать его невозможным в одном из диалектов греческого? Трудность заключается не в этом, а в том, что в гораздо более позднем языке классического времени эти явления разложения наблюдаются только в виде еле заметных пережитков.

¹ «Études mycéniennes. Actes du colloque international de Gif-sur-Yvette», avril, 1956, «La $\chi\omicron\omega\tilde{\nu}\eta$ créto-mycénienne», стр. 175 сл.

² W. M e r l i n g e n, Das Vorgriechische und die sprachwissenschaftlichen Grundlagen, Wien, 1955, стр. 9.

Для разрешения этого недоумения Лески¹ и Маринатос² прибегли к допущению, что язык этих надписей не был языком греческого населения. По мнению Лески, высший класс, потомки греческих кондотьеров — были абсолютно безграмотны; надписи писали рабы-писцы негреческого происхождения, плохо владевшие греческим языком. Примерно такой же точки зрения держится и Маринатос. По его мнению, ахейцы, захватив Кносс, принудили минойских писцов приспособить их письмо к греческому языку. Но не только знаки письма, но и уши этих писцов были чужды звукам греческого языка. Конечные согласные и плавные перед согласными не писались, хотя была возможность их написать, — конечно, по той причине, что писцы не умели ни воспринять, ни воспроизвести их. Так, например, нынешние итальянцы, говоря по-гречески, подобно микенским грекам, не произносят конечных согласных: они произносят *ὁ πατέρα, ὁ γιὰ τρό, Τοτομεο*, вместо *ὁ πατέρας, ὁ γιὰ τρός, Πτολεμαῖος*³.

Эти-то писцы, которые были так необходимы в государствах того времени, создали, как думает Маринатос, школу, которая нашла последователей и подражателей и при дворах властителей материковой Греции. Только профессиональные писцы могли писать и читать эти надписи, так как они знали, о чем в них идет речь: народ и даже царь были абсолютно безграмотны. Действительно, круг предметов, о которых говорилось в этих надписях, был очень ограничен: это были краткие заметки и списки хозяйственного характера; идеограммы давали указания, как разобраться в них. Трудно предположить, чтобы писцы умели написать этим письмом о чем-либо более отвлеченном или хотя бы написать сообщение. Вот почему это письмо исчезло бесследно, как исчез и язык, на котором эти документы написаны.

Однако эта теория своеобразного basic Greek не объясняет, почему в позднейшем греческом, особенно в ахейско-эолийских диалектах, сохранилось значительное число пережитков греческого языка микенского времени. Как мне сообщил в письме Вл. Георгиев, на международной конференции (Colloque international sur les textes mycéniens), состоявшейся в 1956 г. в Париже, он и Мерлинген выступили с взглядами, близкими к моему, — что особенности этих надписей являются не особенностями орфографии, а особенностями языка населения тех центров, в которых они найдены.

В последнее время с подобным же взглядом выступил один из крупнейших индоевропеистов, И. Фридрих («*Minos*», IV, 1 (1956), стр. 6 сл.). Он указывает на то, что это письмо, унаследованное у негреческого населения, было первым и в то время единственным, имевшимся в распоряжении желающих писать по-гречески. Это было первой попыткой разложить греческие слова на слоговые элементы. Естественно, что эти попытки не могли быть удачными: писцы не были в состоянии точно воспринять отдельные звуки греческих слов: они передавали в письме главным образом то, что артикулировалось и слышалось особенно отчетливо, а звуков со слабой артикуляцией не могли выделить и воспроизвести. Фридрих приводит в качестве параллели письмо эскимосов Аляски: подобно микенским греческим писцам, они часто не пишут согласного в конце слога и второй части дифтонга, так как эти звуки произносятся более слабо.

Я предполагаю, что на том языке, на котором написаны эти надписи, говорило лишь население греческих городов Крита и восточного побережья Балканского полуострова, где преобладающим элементом было эллинизованное догреческое население; это были центры эгейской культуры. Как всегда бывает при усвоении языка населением с иной артикуляционной базой, греческий язык в этих центрах подвергся далеко идущему фонетическому разложению. Греки центральной и восточной части Балканского полуострова почти не были задеты этой культурой и говорили на диалектах, не подвергшихся разложению; еще в более чистом виде сохранили греческий язык переселенцы, прихо-

¹ A. L e s k y, «Anzeiger d. Osterr. Akad. d. Wiss., Phil.-hist. Kl.», 6 (1955), стр. 113—125.

² «Ἐπειτικὸς Ἐταιρικὸς Βυζαντινὸν Ἐπιπέδον», 23 (1953), стр. 139—149; «*Minos*», IV, 1 (1956), стр. 15.

³ Так же произносит скиф греческие слова в «Фесмофориях» и трибаллы в «Птицах» Аристофана. — С. Л.

дившие с севера. Доряне разрушили микенскую культуру. «Этот язык вымер в результате „эгейской катастрофы“: позднейшие диалекты вышли из других греческих диалектов, которые в микенское время были бесписьменными» (Мерлинген, ук. соч., стр. 9). Однако вследствие большой культурной роли этих городов ряд черт данного языка сохранился в виде пережитков.

Этот несовершенный способ написания привел к тому, что греческие слова получают в микенском написании совершенно чуждый греческому языку вид: «Если бы мы не знали греческого языка в его позднейшем, более точном алфавитном написании, — пишет Фридрих (ук. соч., стр. 8), — мы никогда не могли бы из слогового письма В сделать вывод о фактическом произношении греками этих слов». В этом причина того, что некоторые слова можно транскрибировать множеством различных способов и поэтому иногда один и тот же документ истолковывать самыми различными способами. Особенно это заметно, когда речь идет о собственных именах, где контекст не дает никаких оснований для предпочтения того или иного чтения. Исследователи, не следящие за тем, чтобы получился осмысленный контекст, допускающие произвольную замену близких звуков (напр., *a* и *o*, *e* и *i*, *o* и *u*), часто читают в микенских надписях все, что им угодно в силу их предвзятых взглядов.

Такие увлечения и преувеличения, характерные для исследований во всякой вновь открытой области, вызвали естественную реакцию; к этому надо еще прибавить обычную осторожность и недоверчивость, которую вызывает у старых цеховых ученых всякое новое учение, опровергающее привычные, усвоенные со школьной скамьи взгляды и теории (ср., например, исследования А. Бёка и Шлимана). С большим скептицизмом относятся к дешифровке Вентриса в ряде своих статей известный знаток критской и микенской культуры И. Сундвалл.

С наиболее резким «опровержением» дешифровки Вентриса выступил Битти¹, по мнению которого аргументация Вентриса может произвести впечатление только на «неопытного читателя» (стр. 8). Первые 8 страниц статьи Битти посвящены доказательству того тезиса, что подход Вентриса к дешифровке методически неправилен, что таким путем нельзя прийти к верному результату. Я не буду останавливаться на этих замечаниях. Мне при разборе микенских надписей вовсе не было известно, как пришел Вентрис к своему открытию; вопрос этот, несомненно, очень интересен, но никакого отношения к тому, правильна или неправильна дешифровка, предложенная Вентрисом, он не имеет. К сожалению, никакой «методики» для гениальных открытий пока не существует. Важно, что дешифровка дает возможность прочесть ряд надписей, дает связанные контексты, обеспечивает полное соответствие между syllabически написанным текстом и поясняющими рисунками-идеограммами, что язык, открытый в результате дешифровки, имеет корни, находящиеся в определенном фонетическом соотношении с корнями известного нам языка или диалекта, что он имеет ясную грамматическую структуру. Поэтому я здесь коснусь только тех доводов Битти, которые пытаются опровергнуть эти факты.

Как указывает Битти (стр. 2), Вентрис сформулировал целый ряд произвольных орфографических правил, которые дают возможность каждую группу знаков, отделенную черточками от других групп знаков, толковать на множество ладов — как самые различные греческие слова. Из числа этих разнообразных возможностей (число которых в некоторых случаях исчисляется сотнями) всегда найдется то или иное, совпадающее по звучанию с греческим словом. Так как надписи состоят из отдельных коротких фраз, то не так уже трудно эти слова связать в комплексы, звучащие как греческие предложения, и привести их в согласие с идеограммами. Ни один народ не стал бы пользоваться письмом, которое дает возможность самого различного понимания и представляет собой ряд загадок: он видоизменил бы это письмо так, чтобы им можно было пользоваться. В греческом языке глухие, звонкие и придыхательные представляют различные фонемы: смешение их между собой практически крайне неудобно, а потому неве-

¹ A. J. B e a t t i e, Mr. Ventris' Decipherment of the Minoan Linear B Script, JHS, 76 (1956), стр. 1—17. Так же теперь E. G r u m a c h, O L Z, 52 (1957), стр. 294.

роятно. Отсутствие ι , υ , ρ , λ , ν , σ в конце слогов и слов лишает читателя возможности понять синтаксическую связь между членами предложения; изображение одними и теми же знаками звуков ρ с гласной и λ с гласной, как и вставка «слепых» гласных между двумя согласными, стирает различия между важными суффиксами и делает неясными ряд корней (стр. 5). Очень важным недостатком силлабария, постулированного Вентрисом, является, по мнению Битти, его несимметричность. Непоследовательно, по его мнению, и то, что звук h при чтении Вентриса не обозначается и что звуки j и v то обозначаются, то не обозначаются (стр. 4—5).

Уже в указанной выше моей статье в ВДИ и в вышедшей недавно из печати книге «Язык и культура микенской Греции» я обращаю внимание на эти же недостатки «орфографических правил» Вентриса. Однако прежде всего надо учесть, что эти «орфографические правила», как мы указали уже выше, не выдуманы Вентрисом из головы: они почти полностью совпадают с «орфографическими правилами» кипрского силлабария. Между тем в правильности чтения кипрских надписей, написанных при помощи этого силлабария, не сомневается никто. И здесь звонкие, глухие и придыхательные с одной и той же артикуляцией в области рта не различаются в написании; несмотря на неудобство такого написания, жители Кипра вплоть до III в. до н. э. не придумали особых знаков для различения этих звуков. В памфилийском диалекте эти звуки смешиваются, несмотря на то, что эти надписи написаны греческим алфавитом, имеющим особые знаки для глухих, звонких и придыхательных. Следовательно, нет оснований требовать, чтобы это различие делалось уже в микенскую эпоху. Точно так же вставка «слепых» гласных между двумя согласными характерна и для кипрского силлабария.

Что же касается «орфографических правил», постулированных самим Вентрисом и нарушающих «принцип симметрии», то, как я старался показать выше, они частью являются излишними и ненужными, частью здесь причина в ложной предпосылке Вентриса, что греки микенской эпохи говорили приблизительно так же, как греки V века, — всякие отступления от языка классической эпохи он считал особенностями орфографии. В действительности мы, как я говорил выше, имеем дело с фонетическими особенностями языка микенской эпохи.

При таком понимании возражения Битти отпадают сами собой.

Нельзя также аргументировать и отсутствием знаков для обозначения звука h + гласный. С одной стороны, мы не знаем, не был ли микенский диалект псилотическим, подобно позднему ионийскому и лесбийскому; с другой стороны, очень вероятно, что и в позднейшем кипрском был звук h , который не обозначался в письме.

Битти (стр. 3) ставит в вину Вентрису и один из его основных эвристических приемов: если два слова отличаются между собой только последним знаком, то есть большая вероятность того, что мы имеем две грамматические формы от одного и того же слова. На таком допущении основывались уже до Вентриса Эванс и Кюбер, и наблюдение над такими словами всегда дает очень интересные результаты. Битти допускает передержку, приписывая Вентрису утверждение, что такие слова обязательно (*necessarily*) связаны друг с другом; против этого свидетельствует сама расшифровка Вентриса.

Битти ставит в вину Вентрису (стр. 7) и то, что значения многих слов, читаемых им в микенских надписях, «выковырены» (*are raked*) им из эллинистических поэтов и из словаря Гесихия. Не вижу, в чем здесь недостаток: нельзя же требовать от греков микенской эпохи, чтобы они употребляли только слова, принятые в обиходе интеллигентного общества V века! Возможно, конечно, что Каллимах и современные ему поэты создавали новые слова путем соединения архаических корней между собой или путем присоединения к ним суффиксов. Но значительная часть старой греческой литературы погибла и нам недоступна, тогда как она была под рукой у Каллимаха в александрийской библиотеке — вполне естественно, что александрийские поэты знали множество архаических слов, неизвестных нам. Гесихий же вообще ничего не выдумывал. Мы пользуемся им очень широко для перевода вновь найденных отрывков Гиппократа, Архилоха, Алкея и др.; тем более мы вправе им пользоваться для перевода микенских надписей!

Возмущает Битти и то, что в микенских надписях иногда отсутствует раздели-

тельный знак там, где, по нашим представлениям, должны быть два слова, и налицо разделительный знак там, где, по нашим представлениям, одно слово. Почему написано вместе *Atanapotinija* = Ἀθάνα ποτνία, почему написано раздельно *Keresijo veke* = ΚρησιοΓεργγς (стр. 4,9)?

Такое несовпадающее с нашими правилами деление составного слова на два довольно обычно в микенских надписях, напр. *rukoso - ekee* (Ta 715), *pege - rogena* (Th 316), *aru - kekaumena* (Ta 641). Битти упускает, очевидно, из виду, что писавший микенские надписи при всем желании не мог бы купить в книжном магазине нашу школьную грамматику греческого языка. Почему *Πελοπόννησος*, *Κυνοσοῦρά*, Богоматерь — одно слово, а Ἀθάνα ποτνία — два? Микенский грек поступал довольно разумно, когда писал *Keresijo veke* двумя словами, хотя позднейшие греки видели, вероятно, в словах *ΜιλησιοΓεργγς*, *ΚορινθιοΓεργγς* одно слово (говорю «вероятно», потому что греки в письме вообще не отделяли слов друг от друга): для него *Keresijo* (= позднеейшему *Κρῦσιος*) — самостоятельное слово. Мы простим ему также и то, что он считает *Γεργγς* отдельным словом, хотя это слово отдельно не употребляется, но мы не простим этой же ошибки самому Битти, утверждающему (стр. 11), что слово *ἀνοῦατος*, *anovoto*, «безухий» не могло существовать, так как не существовало слова *ovoto*, означавшего «имеющий ручку» («ovoto does not seem to mean „having a handle“»), — по мнению Битти, очевидно, не может существовать слов «безногий», «безухий», «безрукий», так как не существует слов «ногий», «ухий», «рукий»! В этом случае в греческом языке дело обстоит так же, как в русском: есть слово *ἀνώνυμος*, *ἀνανδρος* «безымянный», «безлюдный», но нет и не может быть слова *ἄνυμος*, *ἄνδρος* и т. д.

Битти не довольствуется этими общими соображениями и переходит к разбору отдельных слов и отдельных надписей. Он считает невероятным, что микенские греки писали слова *κακός* и *χαλμός* одним и тем же способом — *kako*, чтобы *χαλμός* писалось *kakeu*, *γναφεός* — *kanapeu* (стр. 7). Он бы рекомендовал микенским грекам писать (очевидно, руководствуясь правилами кипрского силлабария!): *κακός* как *kakose* *χαλμός* как *karakose*, а для слова *γναφεός* изобрести особый знак для *γα*! Но и на позднейшем Кипре слово *χαλμός* производилось как *καυχός*, а *и* в дифтонге в микенскую эпоху часто не писалось (ср. параллельные формы с одинаковым значением с *и* и без *и*, сопоставленные в моей книге); вдобавок, как я показал (ВДИ, 1955, № 3, стр. 33), *χαλμός* и на Кипре классического времени писался *kakeu*. Что же касается слова *γναφεός*, то оно и в классическое время писалось то *γναφεός*, то *κναφεός*!!

Слово *ἐντεσθόμος* (Ea 808; Ep 609,5; Eo 211,2; Ep 301,5) в классическую эпоху, правда, не засвидетельствовано, но оно образовано совершенно правильно из двух хорошо засвидетельствованных частей, ср., с одной стороны, *γασθρός* (Na 568; Vn 865), *τοιχοθόμος* (An 7; An 18; An 35), с другой — *ἐντοφοργός* (An 39,5; Fn 50,6; F 462,2). Битти характеризует его как «абсурдное по форме и по значению» (стр. 7). Почему? Ведь и слово *κοινοκοκο*, *κοιλοφοργός*, *κοιλουργός* (B 101) Битти мог бы назвать абсурдным, поскольку оно не встречается в классическом языке, если бы оно не было случайно обнаружено на папирусе Зенона!

Утверждение (стр. 7), будто Вентрис придумал для *merizamate*, *μελλιδάμαρτες*, такой абсурдный перевод как «будущие жены», *wives-to-be* — просто передержка. Под *δάμαρ* (*dm-art-*) Вентрис разумел не «жену», а «домоуправителя» (мужчину). Впрочем, чтение *zama* как *δάμαρ* действительно неудачно, но отдельные ошибки не могут умалить громадного значения открытия Вентриса.

Точно так же несомненно неправильные чтения в надписи Ep 609 *zamate* как *Δαμάτρ* и *remo* как *στέρμα* не могут иметь какого-либо значения для суждения о дешифровке Вентрисом данной надписи и связанных с нею в целом. При чтении *zamate* как «даматы» (должностные лица), а *remo* как *στέρμας*, «посев», эти трудности исчезают. Слово *kotona*, «земельный участок» Вентрис остроумно отождествил с *κτοίνα*, имевшим в позднейшем языке значение «сельская община». Однако будем ли мы считать, что слово *κτοίνα* переменило значение, или что *kotona* неправильно отождествлено с этим словом, — общий смысл надписей не изменится. Эти надписи были

подвергнуты тщательному изучению мною и Беннетом (см. ниже), и их смысл не вызывает сомнений; «nonsense от начала до конца» не предложенное Вентрисом чтение этих надписей (стр. 5), а критика Битти. Вопрос о первоначальном смысле слова κτίμενος и о том, возможно ли eesi > εἰσί, не так прост, как думает Битти.

В других случаях Битти считает ниже своего достоинства даже останавливаться на предложенных переводах текстов. На стр. 8 он довольствуется тем, что цитирует надпись Sd 04-01 (даже не указывая ее номера) и прибавляет: «Даже изобретательности Вентриса не перевести этого на греческий язык», тогда как и Вентрис и другие давно перевели эту надпись на греческий язык — спорными остаются только отдельные слова.

Как видно из этого примера, для Битти нет разницы между истолкованными и непонятными надписями. Надп. Ae 303 действительно трудна для понимания и до сих пор удовлетворительно не истолкована. Те формы в этой надписи, которые кажутся Битти невозможными, как раз не содержат особых трудностей: δόελα — естественный прототип слова δοῦλη, выпадение v в слове ijevevija — обычное явление.

Наиболее ярким доказательством правильности дешифровки Вентриса послужила еще не известная Вентрису во время его занятий микенскими надписями надпись Та 641, выкопанная Блегеном. Здесь против изображения тревожника с цифрой 2 читается t(i)riroze = τρίροζε, против изображения тревожника с цифрой 1 — t(i)riro = τρίρος, против изображения вазы с четырьмя ушками — qetorove = τετρώφες (два раза), против изображения вазы с тремя ушками и цифрой 2 — t(i)rirovee = τριώφες (dualis), против изображения вазы с тремя ушками и цифрой 1 — t(i)rirove = τριώφες, и, наконец, против изображения вазы без ушек — anove = ἀνώφες. Казалось бы, не надо лучшего доказательства правильности дешифровки Вентриса, но Битти и это изумительное соответствие считает «случайным совпадением».

Если бы даже остальных слов в этой надписи вовсе не удалось разобрать, уже приведенные факты доказывали бы, как я убежден, с несомненностью, что ряд знаков читается Вентрисом правильно и что правило вставки «слепой гласной» (tiri вместо tri), известное нам из кипрского силлабария, соблюдалось еще в микенскую эпоху. Битти думает, что достаточно ему опорочить принятое Вентрисом чтение хоть каких-либо слов, и будет доказано, что вся дешифровка неправильна. Его возражения часто могут вызвать у лингвиста только недоумения. Напр.: слово τρίρους, по его мнению, могло быть в XIII веке только прилагательным и потому должно обязательно сопровождаться существительным (стр. 11). Откуда Битти так хорошо известна грамматика греческого языка XIII в.? Сравнительная грамматика индоевропейских языков учит нас, что в древнейшее время резкой разницы между существительным и прилагательным вообще не существовало¹; таким образом, слово τρίρους в зависимости от контекста могло быть и существительным и прилагательным. Далее Битти утверждает (стр. 11), что «за несколько столетий до Гомера» η переходило в начале слова всегда в a, а не в an; an появилось якобы лишь позже, причем η стало вставляться, «чтобы избежать зияния». Очевидно, Битти недостаточно знаком с данными индоевропейского языкознания по этому вопросу: «Часто... звукосочетание, состоящее из сонанта последующей гласной, составляет два слога; тогда сонант отражается во всех индоевропейских языках в виде краткой гласной с последующей фонемой, представляющей согласный сонант между гласными... др. слав. ѣн, ѣн; лит. in, un; арм. an; греч. aν; лат. an, in; ирл. an; готск. un...; напр., μανῆραι (из μᾰῆ -), manēre (из mᾰēre)»². Поскольку это о б щ е и н д о е в р о п е й с к о е явление, оно должно иметь место уже в микенскую эпоху.

Самые надписи Битти читал, очевидно, лишь поверхностно. Если бы он хоть бросил взгляд на фотографию надписи Та 641, он не мог бы сделать странного заявления

¹ Ср., например, А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М., 1933, стр. 264.

² А. Мейе, ук. соч., стр. 140—141..

(стр. 10): «Нет никаких доказательств того, что *арике каушено* составляли одно слово»; *кекаушено* в надписи написано одним словом — только три последних знака пришлось сделать несколько меньше предыдущих, чтобы поместить над ними слово *кегеа₂*. Знак разделения слов помещен не после *арике-*, а после *ари-*, что совершенно естественно с точки зрения орфографии микенских надписей.

Таким образом, доводы Битти во всяком случае нельзя признать серьезными, и исследователи, изучающие миканские надписи, могут спокойно пройти мимо его возражений и продолжать свою трудную будничную работу.

Ввиду полисемии надписей микенской эпохи (одному и тому же начертанию может соответствовать несколько совершенно различных греческих слов) усовершенствование понимания этих надписей может идти по трем путям: 1) по пути чисто языковедному, т. е. по пути лучшего понимания фонетической и морфологической структуры языка надписей путем установления общей линии развития греческих диалектов и сличения корней и грамматических форм микенских надписей с корнями и грамматическими формами языка Гомера и надписей классического времени; 2) поскольку правильная транскрипция надписей прежде всего зависит от контекста, в котором стоит то или иное слово, и сопровождающих его идеограмм — по пути изучения этих контекстов в свете общественного строя и культуры микенского общества и 3) по пути проверки правильности достигнутых результатов на вновь найденных надписях. К сожалению, новых надписей, не известных Вентриссу во время опубликования его статьи в JHS, найдено немного, а с другой стороны, Вентриссу удалось извлечь из надписей почти все, что было возможно; если прибавить сюда еще то, что в этих надписях содержится, как можно думать, большое количество догреческих слов (некоторые из критских надписей, написанных письмом В, может быть, и вообще написаны не по-гречески) и что до нас не дошло ни одной надписи с длинным и связным контекстом (это сплошь счеты и списки), то не удивительно, что дальнейший прогресс в этой области — дело весьма трудное; вспомним, что и из кипрских надписей V—IV вв., чтение которых установлено с полной достоверностью, некоторые остаются до сих пор непонятными. «Дешифровка надписей подвигается вперед медленно... Причина этого — множество неизвестных слов, — частично негреческого характера, несовершенство передачи в syllabическом письме. Однако уже невозможно сомневаться, что в основном дешифровка Вентрисса правильна»¹.

По первому пути пошли три крупных языковеда — Риш, Чадвик и Манн.

Еще до открытия микенских надписей Риш пришел к заключению («Mus. Helv.», 6 (1949), стр. 19—28; 12 (1955), стр. 61—76), что ионийский и дорийский диалекты — «в основном поздние группы», что они развились и получили свои характерные черты «во время странствований и перегруппировок, которые имели место в послемикенский период». До 1200 г. в Греции, по его мнению, существовали два диалекта: северный, остатком которого является восточно-фессалийский, и южный, остатком которого является аркадский и кипрский. С этих позиций подошел Риш и к языку микенских надписей, который, естественно, в его представлении оказался близким к древнейшему общегреческому языку: он действительно имеет такую архаическую черту языка-основы, как особый ряд лабиовелярных звуков.

Я не имею возможности остановиться здесь подробнее на этом вопросе. Я укажу лишь на то, что целый ряд отступлений от общеиндоевропейских форм (*ro* наряду с *ra* для *z*, *o* наряду с *a* для *g*, *in-* вместо *en-*, *u* вместо *-o*, вставка переходных звуков *j* и *v*; дат., а не род. пад. вместо индоевр. аблатива после отделительных предлогов) сближает язык микенских надписей с позднейшими ахейско-эолийскими диалектами, тогда как этих поздних черт нет в дорийском и ионийском диалектах. Поскольку нельзя полагать, что ионийцы и дорийцы имели эти особенности до XII в., а затем отбросили их и вернулись к общеиндоевропейскому типу, надо думать, что эти диалектные различия существовали уже до прихода греков на Балканский полуостров.

Теория Риша значительно улучшена Чадвиком (GaR, (III (1956), стр. 38—50). В языке

¹ Sp. Marinatos, «Minos», IV, 1 (1956), стр. 16—17.

микенских надписей он видит не язык, близкий к общегреческому языку-основе, а лишь предшественника ахейских и ионийских диалектов. Подтверждение этого взгляда он находит в греческих легендах и мифологии, в том, что евреи и ассирийцы словом *уаван* называли греков вообще, в частности кипрских греков, которые говорили не на ионийском, а на ахейском диалекте, в том, что *ijavone* упоминается на кносском обломке надписи X, 146, и, наконец, в том, что в пилосской надписи Sn 64 мы встречаем *то̀то* в форме *toto*, характерной для аттического диалекта.

Все эти соображения, по моему мнению, неубедительны. Мифологические генеалогии обычно обусловлены политическими соображениями, не всегда нам известными. Евреи и ассирийцы, вероятно, прежде всего познакомились с малоазиатскими ионийцами, называвшими себя Ἰάβωνας, а затем перенесли это название и на родственных ионийцам ахейцев Кипра; изолированное *ijavone* на кносской надписи говорит лишь о том, что уже в XV в. на Крите жили ионяне, но они могли жить рядом с ахейцами. Форма *toto* также ничего не доказывает: как я показываю в моей книге на ряде примеров, в микенских надписях *и*, как вторая часть дифтонга, очень часто опускается на письме, так что *toto* может соответствовать не только *то̀то*, но и *то̀то̀то*.

Неправ и акад. Георгиев¹, видящий в языке микенских надписей смешанный диалект (*caractère mixte*). То, что *η*, *ζ* переходят то в *ο*, *ορ/ρο*, то в *α*; *αρ/ρα*, характерно и для поздних ахейских диалектов (где, напр., *η* = всегда *α*- или *αν*-²); рета микенских надписей не есть *σπεριη*, а = *σπεριά* (мн. ч. от *σπεριός*); -*ο*- и -*α*- в роли гласного, соединяющего между собой две составные части сложного слова, постоянно чередуются между собой и в языке классического времени; чередование *ἐν* и *ἰν* также характерно и для позднейших ахейских диалектов. См. аркадскую формулу: *ἰν πολέμοι καὶ ἐν ἱράναι* (надп. 31, 5/6, Hoffmann), *ἐν-ευνοι* и *ἐν-αυον* на Кипре (там же, стр. 113) и, наряду с этим, весьма многочисленные случаи *ἰν* вместо *ἐν*. Никаких других форм из микенских надписей, которые были бы характерны для позднего ионийского или дорийского диалекта в отличие от ахейского, акад. Георгиев не приводит.

Манн³ обратил внимание на то, что теория Вентриса имела в Англии предшественника уже в 1927 г. в лице А. Е. Cowley, который правильно указал, что слово, которое мы теперь читаем *kusutorora*, означает «всего», «итого» и что слова, которые мы читаем *kovo* и *kova* — греческие слова, означающие *κόρος* — «мальчик» и *κόρη* — «девочка». Манн дает разнообразный и интересный сравнительный материал, и впервые толкует несколько слов, оставшихся не понятными Вентрису. Так, он интерпретирует *qeta* (Ta 711 из Пилоса) как «сосуд», привлекая кельтск. *hvena*, *hvertt*, скр. *čaruñ*, ирл. *coire*, хеттск. *iš-čaru*, слав. «чара»; *qeta₂* (*qe(r)tea₂*) = *τέλεια*, долг и др. Но наиболее интересным является его собственное предположение, что знак *a₂* выражал слог, состоящий из ларингального *+* *a*; это дает основание искать и в других знаках для гласных, кажущихся дублетами и еще не разобранных, звуки для ларингала *+* гласный.

Из наблюдений, содержащихся в работах других ученых, интересна теория Палмера (BICS, II (1955), стр. 42), полностью совпавшая с объяснениями, данными мною в моей книге. Наблюдая чередование *ta₂* и *tija*, *ga₂* и *gija* и т. д., мы оба, независимо друг от друга, пришли к выводу, что в микенскую эпоху в греческом языке существовал особый ряд палатализованных («мягких») согласных, подобно русским: «ря» наряду с «ра» и «тя» наряду с «та» и т. д. Мои взгляды совпали со взглядами Палмера (ук. соч., стр. 36) также и в том, что мы оба принимаем слабую артикуляцию *ɾ* в микенскую эпоху, вследствие чего *ɾ* чередуется с *j*⁴. Так же как я,

¹ «Études mycéniennes», стр. 183.

² См. O. Hoffmann, Die griechischen Dialekte, I, 1891, стр. 170—173.

³ S. E. Mann, Mycenaean and Indo-European, «Man», LVI, февраль 1956, стр. 24.

⁴ Cp. K. Ktistopoulos, «Colloque international», P., 1956, стр. 61.

он указывает на то, что в микенских надписях уже начинается переход лабиовелярного q в губной π ; он привлекает и недоступные мне случаи: $teoqori\dot{a}$ (Od 696, 1): $teoqori\dot{a}$ (E 1058 + 5671), $qozo$: $\pi\acute{o}\kappa\omicron\varsigma$ в надписях Микен (стр. 43).

С целью защитить дешифровку Вентриса, по которой (А означает здесь любой гласный!) pa ba и pha (как и ka , ga и pha) в микенском силлабарии обозначается одинаковыми знаками, а ta и da различными, Лежен¹ ссылается на то, что якобы и в кипрском силлабарии в Эдалии знак, обычно читающийся как za , означал вовсе не za , а ga . Однако это неверно: в стк. 10, 23, 28 эдалийской надписи (в выражении $uvaise zane$) $zane$ не может значить $\gamma\acute{\alpha}\nu$, «землю», а только $\zeta\acute{\alpha}\nu$ «жить» или «время», ср. скр. $dyaus$, лат. $dies$ ². То, что в этой надписи случайно не встречаются слова со слогами $\gamma\alpha$ и $\gamma\iota$, разумеется, ничего не доказывает: слоги $\gamma\epsilon$, $\gamma\omicron$, $\gamma\upsilon$ в этой надписи, а $\gamma\iota$ во всех других передаются как ke , ko , ku , ki . Слог же $\gamma\alpha$ передается как ka в надп. № 144 Hoffmann; с другой стороны, как указывают теперь Вентрис и Чадвик³, знак, который Лежен хочет читать как $\gamma\alpha$, многократно встречается (в трех варьирующихся формах) в пафосских надписях, неопубликованных или мне недоступных, в значении za . Поэтому предположение Лежена отпадает.

Ометим еще попытку Галлавогги⁴ видеть в знаках (34) и (35) обозначение для якобы существовавших еще тогда в греческом языке слоговых r и l . Эта попытка сама по себе интересна, но произвольна: Галлавогги оперирует с собственными именами, которые поддаются самым различным толкованиям, а его чтения нарицательных слов $\acute{\alpha}\lambda\lambda\eta\sigma\tau\acute{\eta}\rho$, $\acute{\alpha}\rho\tau\acute{\iota}\mu\alpha$ и т. д., не засвидетельствованных в позднейшем греческом языке, никак не увязаны с контекстом надписей.

Интересно также замечание, содержащееся в разбираемой ниже работе Дориа. До сих пор Вентрис, а вслед за ним и другие исследователи считали, что окончание $-pi$ (= $-φ\iota$) в микенских надписях есть окончание локативно-инструментального падежа множественного числа. Затрудняло то, что определение к словам, кончающимся на pi , нередко имеет окончание $-o$ или $-a$, напр., $ereratejo\ p\omicron\pi\iota$ (Ta 642,3), $ereratejo\ eka\mu\alpha\pi\iota$ (Ta 713,3), $kuruso\ aziri\dot{j}\alpha\pi\iota$ (Ta 714,2) и т. п. Вентрис понимал $ereratejo$, $kuruso$ как дат. пад. мн. ч., как особое написание $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\phi\alpha\nu\tau\epsilon\iota\omicron\iota\varsigma$, $\chi\rho\upsilon\sigma\omicron\iota\varsigma$; однако дат. пад. мн. ч. 2-го скл. в микенских надписях всегда имеет окончание $-o\dot{j}\iota$. Что же касается выражения надп. Ta 707,2: $opikeremini\dot{j}\alpha\pi\iota\ qe\acute{q}\iota\omicron\mu\epsilon\eta\alpha$, то Вентрис почему-то не хотел понимать здесь $-a$ как $-a\dot{j}\iota$, а довольствовался непонятым замечанием: the ending $-phi$ has been suppressed from the participle in order to make clearer the relation to its own subordinate instrumentals».

Я видел в $kuruso$, $ereratejo$ gen. *materiae*: $\chi\rho\upsilon\sigma\omega$, $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\phi\alpha\nu\tau\epsilon\iota\omega$, но недостатком такого толкования было отсутствие в позднейшем греч. яз. существительного $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\phi\alpha\nu\tau\epsilon\iota\omega\nu$. Дориа (стр. 15) понимает $kuruso\ aziri\dot{j}\alpha\pi\iota$ как $\chi\rho\upsilon\sigma\phi\ \alpha\nu\delta\rho\iota\alpha\nu\tau\iota$ (ед. ч.!) — «золотой статуей», $ereratejo\ suize\pi\iota$ как $\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\phi\alpha\nu\tau\epsilon\iota\omega\ \sigma\acute{\iota}\delta\epsilon\sigma\phi\iota$ и т. д. Такое толкование, по моему мнению, — единственное, обходящееся без насилия над контекстом.

В качестве довода в пользу толкования $-pi$ как падежного окончания ед и н с т в е н н о г о числа я могу еще указать на следующее: название селения $Erateve\alpha$ стоит в ед. ч., так как *dat. loci* $Erateve\alpha$ —Ma 333,1. Между тем другой формой локатива служит $Erateve\alpha\pi\iota$ (Cn 595,1, Jn 829,17, Vn 493,4) — здесь $-pi$, следовательно, окончание ед. ч. Наконец, Фридрих («*Minos*», IV, 1 (1956), стр. 10) высказал интересное предположение, что усовершенствование передачи звуков в кипрском силлабарии по

¹ M. Lejeune, «*Revue de philologie*», XXIX, 2 (1955), стр. 150 с прим. 16, ср. «*Bulletin de la société linguistique*», 1955, стр. 70. Я считаю также неудачным защищаемое Леженом («*Minos*»), IV, 1 (1956), стр. 30 сл.) чтение знака (29) как pu_2 .

² См. F. Bechtel, *Die griechischen Dialekte*, I, В., 1921, стр. 451; O. Hoffmann, *Die griechischen Dialekte*, 1, 1891, стр. 72, 228.

³ M. Ventris and J. Chadwick, *Documents in Mycenaean Greek*, стр. 64—65.

⁴ «*Rivista di Filologia*», N. S., 34 (Torino, 1956), стр. 398 сл.; «*La parola del passato*», 47 (Napoli, 1956), стр. 145 сл. Книга того же автора «*Documenti e struttura del greco nell'età micenea*», Roma, 1956, мне недоступна.

сравнению с микенским объясняется знакомством киприан с более совершенным алфавитом их финикийских соседей.

Целый ряд исследователей пошел по пути более углубленного изучения контекста серий однообразных надписей с более или менее обширной общей частью. Такие серии представляют то удобство, что, сравнивая однородные надписи между собой, легко выделить фразы, однообразно повторяющиеся во всех надписях серии, отделив их от слов, встречающихся только в отдельных надписях. Эти общие фразы должны, очевидно, содержать нарицательные имена, глаголы и второстепенные члены предложения, тогда как слова, встречающиеся только в отдельных надписях серии, — чаще всего, собственные имена и географические названия.

Под этим углом зрения М. Вентрис («Egeanos», 1956, стр. 109 сл.) обследовал инвентари с «паспортами» мебели и посуды, найденные в 1951—1954 гг. в Пилосе. Эти надписи являются прекрасным комментарием как к описаниям мебели у Гомера¹, так и к соответствующим изображениям в крито-микенском искусстве. Исходя из чередования *torēso* с цифрой 2 (Ta 715) и *torē(17)* с цифрой 1 (во всех надписях группы Ta), он установил для знака (17) значение *sa. torēsa* = *(q)trēdja, «четвероногая», т. е. «стол» — с ассимиляцией первого *q* и с переходом *ʒ* в *or* и *dj* в *s*; в аттическом диалекте получилось *τράπεζα*. Эти наблюдения значительно обогатили историческую фонетику греческого языка. Форма *epevo*, «девять», показывает, что первоначальной формой этого числительного было *nevu* (ср. нем. *neun*) и что *ɳ* в языке микенских надписей переходило то в *-a*, то в *-o*. Форма *qeḡinoto* обнаружила неизвестное в языке классической Греции отглагольное прилагательное с удвоением; это дало возможность понять такие формы, как *perato* = *βεβατόν* в кносских надписях о колесницах и подтвердило мое чтение *ijeto* (*ἰετῶ* дат. пад. от *ἰετόν*) в надп. Va15 (ВДИ, 1955, № 3, стр. 20—21). Мы убеждаемся, что такие формы не выдумка поздних лексикографов, а пережиток древнейшей стадии языка, когда отглагольные имена рассматривались как глагольные формы и могли выражать вид и залог (ср. русск «вздутие» и «вздувание», «взятие» и «взимание» и т. п.). Удвоение мы встречаем: у отглагольных имен на *-o-*: *ke-kraximós*, *sun-e-oximós*, *té-tra-mos*, *pe-pareúsimos*; на *-si-*: *pe-poiθḡsis*, *xi-xḡsis*, *xi-xḡrḡsis*, *i-ēsis*; на *-o/va-*: *te-tanós*, *ti-θḡnḡ*; на *-io/ia-*: *βé-βaios*, *pe-pa-θia*; на *-tḡ-*: *áγ-ayórtḡs*, *ke-kraxtḡs*; на *-lo-*: *βé-βḡlos*.

Этой же группе инвентарей мебели посвящена книга Дориа². Дориа справедливо указывает, что принципы разделения на слова в микенских надписях иные, чем в позднейшем греческом языке; это дало ему возможность правильно перевести выражение *ari tonijo* в надп. Ta 716. Вентрис исходил из невозможного предположения, что *tonijo* = *στόμιον*, «отверстие», поэтому он переводил *ari tonijo* как *ἀμφὶ στόμιον*, «on either side of the hilt». Дориа транскрибирует (стр. 5) *pasaro kuruso ari-tonijo 2* как *πασάλω χρυσῶ ἀμφιθονίω 2*, т. е. «два золотых гвоздя, что для стульев».

Менее удачно, по моему мнению, предлагает Дориа толкование выражения *torēsa akaḡano*, которое Вентрис, колеблясь, транскрибировал как *τράπεζα ἰκάρανος*, «стол без головы». Дориа (стр. 7) видит здесь *τράπεζα ἰχλαίνος*, «стол без обивки, без ковра». Однако слово *akaḡano* стоит на втором месте строки надписи, где всегда пишется название дерева или другого материала, из которого сделан стол: *torēsa kutesija* («из кутиса»), *torēsa mīra*₂ («из ясеня»), *torēsa egerateja* («из слоновой кости») и т. д. Поэтому я транскрибирую это слово как *τράπεζα ἄχραννῶ* < *ἰχραδνῶ*, «стол из грушевого дерева». Неудачно также чтение надписи Ta 707: *potipi* как *ποτφί* < *ποδφί*, «ногой» или «ногами». Непонятно, что означает *qeḡinomena azirijateqepotipiqe*, «с изображением человеческой фигуры и ноги». Транскрипция Вентриса — *potipi* = *ποτφί*, «с телкой» дает значительно лучший контекст.

Лежен (REA, 58, 1—2 (1956), стр. 9—39) изучил группу надписей Ma, посвящен-

¹ См. С. Я. Лурье, Крито-микенские надписи и Гомер, ВДИ, 1956, № 4, стр. 3 слл.

² M. Doria, Interpretazioni di testi Micenei, Trieste, 1956, стр. 15.

ных раскладке натуральных повинностей между отдельными городами и их областями с освобождением от этих повинностей отдельных категорий жителей (в первую очередь — кузнецов, быть может, как «работающих на оборону»)¹. Он собрал большой объяснительный материал; однако в его статье немало произвольных, фантастических допущений. Неверно его толкование слова *inamata*, противоречащее находящейся рядом идеограмме; неверен его основной вывод о числе жителей в различных поселениях Пилосского государства: раскладка натуральных повинностей производилась в древности по количеству земли, а не пропорционально числу жителей, как думает Лежен.

Надписи групп Еп и Ео о сдаче земли в аренду подверглись тщательному изучению в работе Беннетта (AJA, 1956, стр. 103—133).

Уже Палмер («Transactions of the Phil. Soc.», 1954/55, стр. 25) на основании надписи Еп 609, в которой сказано, что в Сфагийской области было 40 *zamate*, в том числе 14 *tereta*, сделал вывод, что упоминаемые в надписях группы Еп и в дублирующих их надписях Ео собственники земли, сдающие землю в аренду, и есть эти 14 *tereta*. Правда, в этих надписях упомянуто 13, а не 14 лиц, возглавляющих списки о сдаче земли в аренду, но Палмер получил цифру «14» тем путем, что упоминаемого в них *Pereqota* превращал в два лица: *Pereqota reqota* и *Pereqota razajeu*. Развивая эту точку зрения Палмера, Беннетт в разбираемой статье указывает еще на то, что в этих надписях указано всего 40 человек — собственников земли и арендаторов, поэтому этих 40 человек он отождествил с *zamate*. Эти комбинации, однако, неубедительны. Отнесение всех указанных надписей к группам Еп и Ео весьма субъективно. Беннетт, как он фактически и сам признает², отнес интересующие нас надписи к этим группам, чтобы получить нужный ему результат. Так, надпись Ео 173 в первом издании «The Pylos Tablets» с полным основанием значилась как Ес 05: встречающееся в этой надписи выражение *kama kotonooko* характерно как раз для надписей Еб/Ер, относящихся к *kotona k e k e m e n a*; дубликат этой надписи, стк. 11—12 надписи Ер 617, извлечен из надписи, весьма типичной для группы Ер. Если же исключить эту надпись, то искомым чисел 14 и 40 не получится.

Беннетт прекрасно понимает невозможность допущения Палмера, будто *Pereqota reqota* и *Pereqota razajeu* — разные лица: надпись Ео 444, где упомянут *razajeu reqota*, и надпись Еп 659, где упомянут *Pereqota reqota*, полностью совпадают друг с другом — в них названы те же четыре арендатора, арендующие то же количество земли. Для получения нужного результата Беннетт включил в число *tereta* еще *Parako*, хотя в надп. Еп 609, где говорится о 14 *tereta*, как раз *Parako* не упомянут, а в дублирующей ее надписи Ео 224, 2—3 вместо *Amaruta* назван не только *Parako*, но еще и *Tataro*. Поэтому ни при каком счете 14 *kotonooko* не получается. Далее *Pereqota*, вопреки мнению Беннетта, не мог быть *tereta*: *Pereqota* в надп. Ер. 617, 10 назван *kama(eu)*, а категория *kamaeve* противо поставлена в надписи Ес 481 категории *tereta*.

Основным доводом для утверждения Беннетта, что все упоминаемые в выделенных им надписях *kotonooko* владели землей в Сфагийской области, является тот факт, что одни и те же арендаторы арендуют землю у разных упоминаемых здесь *kotonooko*. Но и в надписях группы Ер указаны в числе других и те арендаторы, которые упомянуты в надписях Еп/Ео. Чтобы быть последовательным, Беннетт должен был бы и этих лиц включить в число арендаторов по той же области; тогда число *zamate* достигнет 80, а число *kotonooko* не будет равно 14. Очевидно, дошедшие до нас надписи представляют лишь небольшую часть всех имевшихся надписей этого типа, охватывавших не только Сфагийскую область, но все Пилосское государство; большая часть этих надписей уничтожена или еще не выкопана. Во всяком случае, эти надписи не содержат никаких данных о том, кто были *zamate* и кто *tereta*.

Несколько новых работ посвящено сериям надписей, относящихся к военному делу. Кносским инвентарям колесниц посвящена статья Шантрена («Minos», IV, 1 (1956), стр. 52 сл.). Он делает вывод, что все колесницы делились на две группы — *amota*,

¹ М. Е. Ruiperez, «Colloque international», Р., 1956, стр. 111 сл.; L. Palmer, «Minos», IV, 2 (1956), стр. 130.

² «It must be included to justify the numbers in the summary».

ἀρμостаί — поставленные на оси с колесами, и anamoto, ἀνάρμωστοι или anamota, ἀνάρμωσταί, не поставленные еще на оси, что иллюстрируется соответствующими идеограммами¹. Из того, что название anata (ἀναρτα:) никогда не употребляется рядом с aJamena, Лежен делает вывод, что anata означает «несобранные», т. е. состоящие из одного лишь кузова с оглоблями, а aJamena — снабженные возжами и другими аксессуарами, т. е. готовые колесницы, но еще не поставленные на оси. Термин aJamena, по нашему мнению, переведен Леженом неверно, так как он не учел употребления этого термина в надписях группы Та. AJamena egerate не означает «réservoir pour réservoir l'ivoire» (стр. 56), а «украшенные рельефными украшениями (инкрустацией) из слоновой кости». Интересна его гипотеза, что aJamena не догреческое слово (как полагает Каррателли на основании хеттской параллели), а = ἀραρμένος. Если бы эта гипотеза оказалась верной, она подтвердила бы наше предположение о чередовании r с j: ararmentenos > aJamenos > aJameno, так как j как вторая часть дифтонга перед согласной не пишется.

Ошибочным является толкование ararmentemena как ἀραρμωμένος на основании позднейшей формы ἀρμόσσω. Ἀρμόσσω образовано по аналогии с тарάσσω, πράσσω и т. д., ср. σφάζω (от σφάγ-) и σφάττω; старая форма — ἀρμόζω, ср. ἀρμόδιος. Поэтому возможно только ἀραρμωμένος.

Серии надписей о мобилизации войска в Пилосе (An 519 и 654—661) посвящены статья Палмера («Minos», IV, 2 (1956), стр. 120—145) и диссертация Мюлештейна².

К сожалению, я, за недостатком места, не могу здесь остановиться подробнее на этой интересной проблеме; для нас особенно интересно сравнить результаты исследования этих двух ученых, работавших независимо друг от друга. Оба они пришли к выводу, что здесь мы имеем списки воинского состава отдельных отрядов, называемых oka. В начале каждой графы, перед словом oka стоит в род. пад. имя начальника отряда, затем обычно указывается географический пункт. Затем перечисляются имена офицеров (от трех до девяти в каждой oka). Наиболее интересна и спорна третья графа: здесь опять встречаем название местности, а наряду с ним загадочные слова в им. пад. мн. ч. — очевидно, названия отрядов — и указания числа воинов в каждом отряде (от 10 до 110; числа кратны 10). Наконец, в конце списка каждой oka, а иногда и в конце списков отдельных отрядов читается metaqe rei egeta (имя и отчество). Так как географический пункт указан и для отдельных отрядов, входящих в oka, и для всей oka, то, очевидно, места расположения отдельных отрядов лежат на территории главного пункта oka: A₂gatiwa на территории Roova, A₂u, kane и P₂gai-Uvasi на территории Akegeva и т. д. Это дает возможность точнее локализовать отдельные поселения Пилосской области.

Основное разногласие между Палмером и Мюлештейном состоит в понимании названий отрядов, содержащихся в третьей графе. Палмер считает их либо названиями географических пунктов, в которых стоят эти отряды (напр., oka₃ = Οἰχαλία, Ivaso = Ἴασος), либо этниконами, образованными от поселений, лежащих вне пилосского государства. В этом случае, по мнению Палмера, речь идет о союзниках, пришедших на помощь пилосцам с островов Ионического моря — из Крокулеи (Π., II, 631 сл. = k₂okura₂jo, An 656, 660) и Закинфа ([Za]kusijo, An 610, 2), с северного побережья Коринфского залива, P₂ga₂qo (Περραιβοί) и U₂rupi₂ja₂ (Φυρτιαῖοι), из Крита (An 943, 2) — Aminiso (Аминис) и Kotiwe (Гортина). Такое общегреческое ополчение мне кажется невероятным; ссылка на то, что в надп. An 1 речь идет о морском походе в Плеврон, лежащий в отдаленной Этолии, — неубедительна: там говорится о походе на врагов, а не о союзниках, отряды которых постоянно находятся в определенных пунктах Пилосской области. Эта гипо-

¹ M. Lejeune, ук. соч., стр. 57: anamoto: ararmentemena = anato: aJamena = ἀκίνητα: κελνημένα (Plato, Soph., 249 d); L. Palmer («Minos», IV, 2 (1956), стр. 128, пр. 1) видит в amota мн. ч. от amo = ἄρμα (из arm₂, «undercarriage»). По моему мнению, amota (ἀρμωστά) есть эпитет колес (это слово сопровождается идеограммой колеса, а не колесницы).

² H. Mühlstein, Die oka-Tafeln von Pylos. Ein mykenischer Schiffskatalog, Basel, 1956.

теза должна быть отвергнута со всей решительностью. Мюлештейн прав, когда видит в словах, читающихся в этой графе, названия различных местных пилосских отрядов; такие отряды составлялись из союзов мужчин и могли носить самые различные названия, ср., напр., Πιταναῖτος λόχος в Спарте, ἑνίοχοι καὶ παραβάται в Фивах и т. д.

Палмер, исходя из того, что порядок расположения городов в списке основных девяти пилосских поселений, постоянно упоминаемых в одной и той же последовательности, должен был соответствовать географическому распределению этих пунктов, пытается локализовать эти пункты, руководствуясь их порядком в списках, и прилагает карту. Я не имел пока возможности подвергнуть эту часть статьи Палмера тщательному изучению. Однако некоторые из его сопоставлений названий микенских надписей с названиями поселений классической эпохи уже при первом взгляде вызывают возражения, как, напр., сопоставление Aruvote с Αἰλῶν, P1(32) с Φεία, лежавшей, как видно из «Одиссеи», вне Пилосского государства.

Читающееся в IV графе metaqe rei eqeta (имя, отчество) Палмер вслед за Вентрисом переводит: «а вместе с ними „г р а ф“ (eqeta) такой-то». Эта странная формула кажется мне неподходящей: «вместе с ними» не может говориться о руководителе отряда, а ἐπέτης, как и comes, означало «слуга», «клиент», а не руководитель — comes (граф) получил свое название не как военачальник, а как слуга монарха.

Вслед за Вентрисом Палмер переводит в надп. An 687: o-uruto opia₂ro epikovo как ὡς Φρόντοι ὀπίαλα ἐπίκοφοι, «как охраняют стражи побережье», и этот перевод в основном верен. Но я не могу согласиться с Палмером, что это — общий заголовок всех надписей; думаю, что этот заголовок относится только к части их. В связи с этим я полагаю, что вся эта серия надписей посвящена не организации охраны побережья, а перемещениям войск для сбора в Метапе с целью отражения нападения с суши; для этого мобилизуется также и пограничная стража.

Что касается диссертации Мюлештейна, то большая часть ее посвящена этимологии личных имен, встречающихся в этой серии надписей. Я считаю такого рода занятия (поскольку речь идет о микенских надписях) в основном мало продуктивными, так как здесь контекст не может помочь, а каждое личное имя может быть транскрибировано самыми различными способами.

В остальном работа Мюлештейна содержит ряд замечаний, весьма полезных для интерпретации этих надписей. Его распределение слов надписей по графам много убедительнее, чем распределение Палмера; его замечания на стр. 45 об -и- как «слепом» звуке убедительны и интересны. Говоря о формуле графы IV, он считает толкование eqeta, как ἐπέτης, неудовлетворительным и указывает на мое толкование eqeta как ἑπλέτας, ἑπλοτής.

Ошибочной кажется мне попытка Мюлештейна вычитать в каждом из этих списков цель передвижения отряда. Действительно, в III графе, если руководствоваться делением Мюлештейна, иногда читается два географических названия, либо оба в дательном падеже, либо одно в форме этника: напр. vakatijata sapiza. nevokito vovija. aru₂kane rorai, uvasi nevo, aruvote kuparisijo, aitareusi, kuparisijo, a₂kaa₂-kirijo nezavataze. Мюлештейн делает крайне неудачную попытку доказать, что дат. падеж названия местности может отвечать на вопрос «куда?». Он ссылается на такие примеры, как pasiteoji, «богам», karuke, «глашатаю», Zikatajo Zive, «Диктейскому Зевсу» и т. д., сопровождающиеся названием местности с частицей -ze (-δε). Но здесь речь идет о дат. пад. лица при глаголе «давать», «посылать», и это не имеет отношения к вопросу о том, стоит ли название местности в дательном падеже. Правда, в Od., X, 39: ἕνεος Κίμωνεσσι стоит дат. пад., но при глаголе πελάζειν только этот падеж и может стоять. Nevokito vovija, как показывает ряд примеров, собранных мною (ВДИ, 1953, № 3, стр. 17), — не два, а одно географическое название — область селения Nevokito vovo. Sapiza вряд ли название местности, nevo означает νέοι, молодые (νέοι Κέκιδες). В остальных случаях читается название района и его отдельного пункта: Aruvote Kuparisijo, Aitareusi Kuparisijo, Epapo rimene¹ Ovitono и т. д. Nezavataze вовсе не должно

¹ Как и я, Мюлештейн толкует Epapo rimene, как² Ελάφων λιμένει.

быть обязательно падежом направления, это может быть дат. пад. от Νεδράτας , Νεδράταδος .

Да и вообще трудно представить себе, чтобы целью всей это мобилизации войска было перемещение отрядов из одних прибрежных мест в другие, расположенные рядом с ними.

Наиболее фантастическим мне кажется утверждение Мюлештейна, что эти небольшие передвижения войск совершаются не пешком, а на кораблях, и что имена, с которых начинаются надписи — это имена владельцев кораблей. Правда, в качестве параллели (стр. 36—41) Мюлештейн приводит и каталог Гомера (шаблон, по которому он написан, не имеет ничего общего с шаблоном, по которому написаны надписи) и надпись из Рас-Шамры, пожалуй, более близкую к нашим спискам. Но почему списки пехотинцев не могут составляться по шаблонам, сходным с шаблонами списков моряков (кстати, в надписи из Рас-Шамры имена офицеров отсутствуют)? Единственное, что могло бы говорить в пользу толкования Мюлештейна, это термин *ока*, который Мюлештейн толкует не как $\delta\rho\chi\acute{\alpha}$ (= $\lambda\rho\chi\acute{\eta}$, Palmer; ср. $\text{Ἀρχαγέτας} = \text{Λαφαγέτας}$) и не как $\delta\rho\chi\acute{\alpha}\varsigma$, а как $\delta\lambda\acute{\alpha}\varsigma$ (к сожалению, в других падежах это слово в микенских надписях не встречается). Однако вопреки утверждению Мюлештейна, $\delta\lambda\acute{\alpha}\varsigma$ — означает только грузовое судно, баржа: оно называется так потому, что его обычно тянут бичевой, а не потому, что его «вытягивают по прибытии в порт на берег» (ук. соч., стр. 38, 1) — на берег вытягивались все корабли. Слово $\delta\lambda\acute{\alpha}\varsigma$ не встречается ни в микенских надписях, ни у Гомера; «корабль» всегда обозначается $\nu\acute{\alpha}\upsilon\varsigma$. У Пиндара (Nem., 5, 2), Геродота (III, 135; VII, 25), Лисия (XXXII, 25) $\delta\lambda\acute{\alpha}\varsigma$ всегда означает баржу. Фукидид (VII, 7) противопоставляет баржи кораблям ($\epsilon\nu\ \delta\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\nu\ \eta\ \pi\lambda\omicron\iota\omicron\iota\varsigma$). Ср. выражения $\delta\lambda\acute{\alpha}\delta\epsilon\varsigma\ \sigma\iota\tau\alpha\gamma\omega\gamma\omicron\iota$ (Thuc., VI, 44), $\delta\iota\alpha\gamma\omega\gamma\omicron\iota$ (Pheres., 14, 3)¹. Правда, известен случай в истории Спарты, когда пришлось перевезти воинов на барже (Her., VII, 137), но этот случай отмечается, как исключительный. Итак, говорить о микенском «каталоге кораблей» нет никакого основания.

Другая работа Мюлештейна озаглавлена «Panzeus in Pylos» («Minos», IV, 2 (1956), стр. 79—89). В пиловских надписях часто упоминаются высокие должностные лица, носящие титул *paзаеу* или *pazeveu* и являющиеся в то же время земельными собственниками. Нам известны три лица, носившие этот титул: *Peqeota* (он же *Qeqeota*), *Mikata* и *Koturo*. Титул *paзаеу* Мюлештейн транскрибирует как Πανδα-jeús , «человек (богини) Παν-δᾱ » = Παν-γη , «Всематери Земли», а *Pazeveu* как ΠανδiF-εús , «человек (бога) Πάνδι-ος », «Всеzeвса» (Πανζεús). Не касаясь собранного им параллельного материала, мы не можем принять его толкования, так как *paзаеу* и *pazeveu* — лишь два написания одного и того же слова; как я показал в своей статье, форма *pazeveu* — закономерное с точки зрения фонетики микенских надписей преобразование формы *paзаеу*.

Действительно, Беннетт уже указал на то, что, как правило, документы группы *Eb* по содержанию только повторяют документы группы *Er*²: разница лишь в том, что в *B* каждом из документов группы *Eb* упоминается только одно лицо, тогда как каждый документ группы *Er* — это целый список, в который входят те же лица, с теми же эпитетами и с тем же количеством зерна, что и в документах *Eb*. Благодаря этому Беннетт мог с полной уверенностью дополнить обломанные части этих документов на основании их дубликатов. Теперь сопоставим следующие документы группы *Eb*, представляющие дубликаты отдельных параграфов надписи *Er* 617:

<i>Eb</i> 842: <i>Sasavo ekeqe onato kamaeu epiqe toe terapike tosoze pemo 1 [5]</i>	<i>Er</i> 617] <i>onato eke kamaeu epiqe tome terapike toso pemo 1 5</i>
<i>Eb</i> 156: <i>Euruvota teojo zoero vocceqe kamaeu</i>	<i>Eu</i> [<i>ruvota teojo [zoel]ro ekeqe] kama onato [vo]ceqe toso pemo 1 3</i>

¹ Материал взят из словаря Liddell—Scott.

² Точно так же документы группы *En* лишь повторяют документы группы *Ео*.

Eb 159: <i>Pereqota pazajeu ije kama si[ri]</i> <i>jojorake</i>	[Pere]qota pazeveu [e]keqe kama sirijo rake toso pemo 1
Eb 377: <i>Parako ekeqe kekeme kotonooko</i>	[Pa]rako [ekeqe] kama kotonooko eo toso pemo 1
Eb 839: <i>kamaeu Mikata pazajeu ekeqe vo-</i> <i>ceqe tosoze pemo</i>	[Mi]kata pazeveu kamaeu ekeqe voceqe toso pemo 5
Eb 905: <i>Mira te[ojō] zoera paro zamo</i>	Mira teojo zoera onato eke kekemena ko- tona paro zamo toso pemo 2
Eb 900: <i>Kerita paro zamo</i>	Keri[ta] teojo zoera onato eke kekemena kotona paro zamo 2

Отсюда ясно, что *Pereqota pazajeu kama sirijojo-rake* в надп. Eb 159 и [Pere] qota pazeveu kama sirijo [ra]ke в надп. Ep 617 — одно и то же лицо; точно так же kamaeu Mikata pazajeu, который ekeqe voceqe, — то же лицо, что и [Mi]kata pazeveu kamaeu в Ep 617; он также ekeqe voceqe. А так как совершенно невероятно, чтобы каждое из этих лиц было одновременно жрецом двух божеств, причем называлось бы каждый раз только по одному из них, то, очевидно, толкование Мюлештейна отпадает.

Наконец, по третьему пути пошел Чадвик (BICS, II (1955), стр. 1—3). Ему удалось обнаружить в музее города Гераклеяона на Крите ряд неизвестных дотех пор обломков критских надписей, написанных письмом В, в том числе новые обломки надписи Ca895. После восстановления надписи из этих обломков обнаруживается следующее: мы видим здесь голову животного, похожего на лошадь с цифрой 3 и рядом написано ono (= ὄνοι, ослы); выше изображен конь с цифрой 5 и рядом написано iro (= ἵπποι, кони), наконец, изображен конь без гривы с цифрой 2 и рядом написано rogo (= πῶλω, 2 жеребенка). Нужно ли лучшее доказательство правильности дешифровки Вентриса?

В последний момент я получил возможность ознакомиться с недавно выпедшим капитальным трудом М. Вентриса и Дж. Чадвика «Documents in Mycenaean Greek», Cambridge, 1956; его оценке будет посвящена особая рецензия. Новое издание критских надписей: E. L. Bennett, J. Chadwick and M. Ventris, The Knossos Tablets, A revised Transliteration, L., 1956, мне, к сожалению, пока недоступно¹.

Проф. С. Я. Лурье

И. ТРЕНЧЕНИ-ВАЛЬДАПФЕЛЬ, *Гомер и Гесиод*, авторизованный перевод с венгерского под редакцией проф. В. И. Авдиева, Изд-во иностранной лит-ры, М., 1956, 124 стр.

Книга венгерского академика И. Тренчени-Вальдапфеля представляет большой интерес для советских читателей, поскольку ее автор стоит на последовательных марксистских позициях. Автор четко характеризует Гесиода как крестьянского идеолога начала периода классового общества в Греции, относя его деятельность к началу VII в. до н. э. и противопоставляя его аристократически настроенному Гомеру. Развивая это основное положение книги, И. Тренчени-Вальдапфель высказывает ряд научных идей, которые значительно освежают традиционный подход к Гомеру и к Гесиоду и, несомненно, являются значительным творческим достижением автора.

Так, мировоззрение Гомера отнюдь не изображается в книге как односторонняя

¹ Как я узнал из рецензии А. Н е и б е с к в «Спомон», 1957, № 1, появились две работы, посвященные пересмотру гомеровского вопроса о связи с микенскими надписями, очень интересные и по материалу и по выводам. R. H a m p e, Die homerische Welt im Lichte der neuesten Ausgrabungen, Heidelberg, 1956, и M. W o r r a, Homer and his forerunners, Edinburgh, 1955. К сожалению, я лишен возможности дать их оценку, так как самих работ еще не имею.